

Тун Цзыгэ услышал это, и сердце его сжалось от горькой боли. Он закусил губу, страстно желая сказать, что каждый раз для него — словно первый, такой же ужасный; эта жизнь, проходящая на лезвии ножа, держит его нервы на пределе, и он уже близок к полному срыву.

Цзун Тинлин посмотрел на заплаканные глаза Тун Цзыгэ и вдруг рассмеялся, и этот смех прозвучал в тишине комнаты пронзительно и резко. Небрежным тоном он произнес:

— Время еще есть, для начала разотри мне тушь, я хочу почитать сборник стихов, присланный из Да Ци.

С этими словами он слегка приподнял подбородок в сторону письменного стола.

Тун Цзыгэ глубоко вздохнул, сиюсь успокоиться. Он сделал шаг к столу, но ноги казались свинцовыми, и каждый шаг давался так, будто на него уходили все оставшиеся силы.

В голове царил полный хаос, душа наполнилась страхом перед грядущей неизвестностью, но послушаться приказа Цзун Тинлина он не смел. Превозмогая внутренний ужас, Тун Цзыгэ подошел к столу, взял брусок туши и принялся медленно растирать его о тушечницу.

Движения его были скованными, а шорох, с которым тушь терлась о камень, отдавался в ушах стуком его собственного разбитого сердца, раз за разом ударяя по натянутым до предела нервам.

А Цзун Тинлин с неподдельным интересом наблюдал за Тун Цзыгэ. Во взгляде его читалась сложная гамма чувств: тут было и насмешливое удовольствие от испуганного вида юноши, и предвкушение от чтения стихов. Казалось, он наслаждался властью над всем происходящим, и наблюдение за тем, как Тун Цзыгэ повинуется каждому его слову, доставляло ему особое, извращенное удовольствие.

Усевшись за письменный стол, Цзун Тинлин сосредоточенно и скрупулезно делал пометки на страницах поэтического сборника.

Его взгляд был остер и глубок, казалось, он пытался сквозь череду иероглифов заглянуть в самые сокровенные тайны души поэта. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь тихим шуршанием кисти о бумагу; этот мерный звук ровно плыл в воздухе, словно самый ритм утекающего времени.

Однако в какой-то момент соболиные брови Цзун Тинлина внезапно сошлись на переносице.

Он резко замер, кисть зависла в воздухе, и капля туши на ее кончике едва заметно дрожала, будто разделяя растерянность хозяина и грозя сорваться вниз. Он так и остался сидеть неподвижно, не отрывая глаз от книги, словно строки намертво приковали его взгляд, и долго не решался продолжить письмо.

Стоявший рядом Тун Цзыгэ старательно продолжал растирать тушь: брусок плавно скользил по тушечнице, и по комнате поплыл густой аромат.

Все его мысли изначально были заняты только этим делом, но долгая неподвижность Цзун Тинлина заставила его украдкой поднять глаза. Стоило ему взглянуть, как его внимание тут же привлекла строчка на странице:

Пожарища небо закрыли у мрачных туч,

И конница мчится, топча враждебный край.

Копья лесом стоят, пугая сонных птиц,

Знамена в крови отражают озерный лед.

Сто битв в желтых песках износили доспехи из стали,

Тысяча шрамов на мертвой земле — и струна оборвалась в слезах.

В обрывках снов лишь образ милый брезжит,

Один на один с тусклым светом лампы в бессонную ночь.

Эти последние две строки, по сравнению с широким размахом предыдущих, выглядели так, будто бурлящая, грозная река вдруг влилась в стоячее болото, полностью утратив прежний пыл.

Созданная в начале величественная и грандиозная атмосфера вмиг рассыпалась. Отблески ратной доблести и звон оружия неожиданно сменились послевоенным запустением и тоской по кому-то близкому, что выглядело чужеродно и оставляло неприятное ощущение незаконченности, начисто портя общее настроение стихотворения.

Тун Цзыгэ невольно нахмурился, втайне думая о том, что подобный переход чересчур груб и портит всю прелесть поэтического слога.

Искоса взглянув на Цзун Тинлина, он заметил, что тот по-прежнему хмурится, словно в мучительных раздумьях о том, как исправить эту неуместную концовку.

Цзун Тинлин, погруженный в мысли о злосчастных строчках, внезапно вздрогнул, точно вынырнув из глубокого сна, и резко поднял голову. От этого неожиданного движения Тун Цзыгэ, заглядывавшийся на стихи, испуганно подпрыгнул; сердце его гулко ухнуло вниз, и рука сама собой дрогнула.

Из-за этого испуга черная тушь, что так ровно растиралась в тушечнице, брызнула в стороны, и несколько неосторожных клякс упали прямо на исписанный стихами лист.

На белой бумаге мгновенно расплылись уродливые черные пятна, похожие на изъязны на чистом нефрите, и в этой звенящей тишине они резанули глаз пуще прежнего.

Лицо Тун Цзыгэ мгновенно побелело, а в глазах застыл первобытный ужас. Он судорожно выпустил из пальцев брусок туши и с глухим стуком рухнул на колени, тело его забилося в неудержимой дрожи.

Прижавшись лбом к холодному полу, он заговорил сквозь слезы:

— Ваше Величество... Ваше Величество, помилуйте, наложница... наложница не хотела!

Его трясло, как осенний лист на ветру, а душу терзал смертельный страх перед гневным гневом Цзун Тинлина. В императорском дворе любая мелочь могла обернуться смертельной бедой, что уж говорить о сожженном или испорченном документе, который Император изучал лично.

Брови Цзун Тинлина сошлись еще круче, во взгляде мелькнуло раздражение. Он уставился на распростертого у его ног Тун Цзыгэ и глухим, не допускающим возражений голосом спросил:

— Что, тоже читал эти стихи?

Каждое слово звучало с непреклонным величием, тяжелым молотом ударяя по сердцу юноши.

Тун Цзыгэ опустил голову еще ниже, не смея поднять глаз на Цзун Тинлина, и дрожащим голосом выдавил:

— Наложница не смела...

Цзун Тинлин прищурился, вглядываясь в него с пронзительной подозрительностью. Окинув с ног до головы стоящего на коленях Тун Цзыгэ, он медленно произнес:

— Твой отец — цензор палаты дознания, ты ведь наверняка образован.

Тун Цзыгэ по-прежнему не поднимал головы, лишь сильнее сжавшись в комок, словно испуганный зверек. Не смея проявить ни малейшей оплошности, он поспешно ответил:

— Наложница начала постигать грамоту с трех лет, а в позапрошлом году сдала провинциальные экзамены и получила ученую степень...

Впрочем, Цзун Тинлин давным-давно до мельчайших подробностей проверил все его прошлое, и этот вопрос был лишь средством лишний раз убедиться в услышанном.

Глядя на дрожащего от страха юношу, Цзун Тинлин почувствовал легкое движение в груди, и межбровей разгладилось. Он поднялся из-за стола, подошел к Тун Цзыгэ, взял его за руку и рывком поднял с пола.

Тун Цзыгэ всё еще продолжал мелко дрожать. Не веря своему счастью, он робко поднял голову; в уголках его глаз блестели оставшиеся от слез капли, а губы подрагивали, будто он хотел что-то сказать, но не смел.

Ничего не говоря, Цзун Тинлин вложил в руку Тун Цзыгэ кисть. Теплый на ощупь гладкий стержень из слоновой кости мягко сиял в свете свечей, словно тая в себе немую поддержку.

— Перепиши по-своему, — голос Цзун Тинлина звучал низко и бархатисто, и хотя тон был ровным, в нем сквозила непреклонная властность.

Тун Цзыгэ взял кисть, но рука все еще слегка подрагивала. Посмотрев на испорченный чернильными кляксами лист, где стихи казались молящими о спасении, он глубоко вздохнул, силясь усмирить страх.

Слегка нахмурившись и подумав мгновение, он легко повел кистью по бумаге.

Две последние строки превратились в:

Душа летит, тоскуя о былом отечестве,

И обратится ветром над полночной кручей.

Цзун Тинлин вперил взгляд в измененные Тун Цзыгэ строки, и удивление на его лице стало еще глубже.

Он никак не ожидал, что человек с такой внешностью — мягкой, чувствительной, не способной вынести тяжести мира — окажется столь иным. Перед ним он вечно трясется от страха и плачет по пустякам, а точеные черты лица и изящный стан выдают натуру хрупкую.

Но теперь, глядя на эти строки, он чувствовал, как рушатся все его прежние представления.

Переведя взгляд со стихов на Тун Цзыгэ, Цзун Тинлин смотрел на него сложным, нечитаемым взглядом. Он пытался отыскать ответ на лице юноши, в котором все еще читалось остаточное напряжение, пытаясь понять, как в столь хрупком теле могла уместиться столь широкая, несокрушимая душа.

Ощущая на себе этот тяжелый, почти осязаемый взгляд, Тун Цзыгэ прикусил губу, застыв в напряжении. Не зная, что именно творится в голове у Цзун Тинлина, он тревожно ждал исхода.